

получить поддержку дакийских легионов¹, однако его базой являлась все-таки не Дакия, а Паннония, на что указывают данные нумизматики и литературных источников². К числу неточностей следует отнести и такое место в книге: «нам известно существование в Дакии *canabae legionis XI Claudiae* в Дуросторе, *canabae legionis V Macedonicae* в Троэзме, *canabae legionis XIII Geminae* в Апуле» (стр. 116). Между тем и Дуростор и Троэзм являлись городами Нижней Мезии и никогда не входили в состав Дакии. Эта неточность тем более досадна, что на стр. 133 И. Т. Кругликова относит Дуростор к Мезии. Автор ошибается, принимая «Antoniniana», «Gordiana», «Postumiana», «Tetricianorum» надписей за отдельные когорты, сформированные из даков (стр. 150). Под всеми этими названиями фигурирует *cohors I Aelia Dacorum*³.

Небольшой очерк о связях Дакии со славянами, данный в качестве приложения (стр. 163—166), представляется не достигающим цели. На столь минимальном количестве страниц, естественно, невозможно было сколько-нибудь полно рассмотреть эту интересную проблему, поэтому И. Т. Кругликова вынуждена ограничиться общими суждениями. Сложнейший вопрос о взаимовлиянии предков славян и местного населения дунайских провинций империи, в данном случае с даками, сведен автором в сущности к наличию сходных узоров в мотивах вышивок северорусских народностей с древнейшими дакийскими мотивами (стр. 163). Что же касается приведенных автором данных о распространении римских монет в Поднепровье, Прикарпатье, Южной Волыни и на правобережье Днепра, то они лишь указывают на то, что в названные области эти монеты проникали через территорию Дакии, впрочем, точно также они могли попасть сюда и через территорию Нижней Мезии. К тому же должно быть еще доказано, что во II—III вв., т. е. в то время, когда Дакия была римской провинцией, все эти области были уже населены славянскими племенами. И. Т. Кругликова без какой-либо аргументации рассматривает славян как «ближайших соседей» Дакии уже в начале II в., не учитывая при этом, что вопрос о времени появления и расселения славянских племен в Прикарпатье еще далек от окончательного разрешения.

В целом монография И. Т. Кругликовой представляет несомненную ценность: написанная на основании большого количества источников, книга ставит ряд интересных вопросов. Вместе с тем неразработанность этой темы в нашей историографии делает естественным и неизбежным внесение некоторых поправок и дополнений.

Ю. К. Колосовская

«*Ethnographisch-archäologische Forschungen*», herausgegeben von H. Kothe und K. H. Otto, Deutscher Verlag der Wissenschaften, B., 1 (1953), 2 (1954), 3 (1955).

«Этнография и археология имеют возможность увеличить наши знания о действительных слагающих историю движущих силах и обогатить созданную Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом научную теорию об основных закономерностях общественного развития». «Публикацией этих непериферических сборников «Этнографо-археологические исследования» ставят себя на службу прогрессивной общественной науки и стремятся путем научного обмена мнениями по всем вопросам этнографии и археологии, относящимся к истории первобытного общества, преодолеть искажения и подделки, упрощения и схематизацию картины древнейшей истории».

¹ САН, XII, стр. 185 считает, что Регаллиана мог поддерживать легион Дакии—XIII Gemina.

² См. E. Swoboda, Carnuntum, seine Geschichte und seine Denkmäler, Wien, 1953, стр. 54, АЕМ, XVJ, стр. 237—238; SHA, Trig. tyr., 10, 1, Aur Vict., De Caes., 30; Epit. de caes., 32,3.

³ См. C. Cichorius, Cohors, RE, IV, стб. 278; A. Dobó, ук. соч., стр. 109, №№ 101—103; стр. 110, №№ 104—110 и др.

Такая задача поставлена издателями в коротком предисловии к № 1 сборников. В соответствии с этой задачей № 1 открывается статьей К. Отто¹, озаглавленной «Об археологических культурах и об исследовании конкретной истории племен и народностей». Тому же автору принадлежит содержание всего № 3, посвященного «социально-экономическим отношениям племен Леубингенской культуры Средней Германии». Первая из этих статей предлагает в критико-теоретическом плане приемы методического исследования так называемых археологических культур неолитической и бронзовой эпох.

Конкретным примером такого исследования должна, по-видимому, быть вторая статья К. Отто о Леубингенской культуре. Статья эта разделена на следующие главы: «Леубингенская культура», «Экономические основы», «Продолжение о состоянии производительных сил», «Характер производственных отношений», «К (вопросу об... А. Б.) организации и учреждениях леубингенских родов и племен», «Вопросы периодизации».

Область распространения Леубингенской культуры уже давно привлекала к себе внимание археологов, в частности наличием в ней так называемых «княжеских» погребений и обилием кладов бронзовых и золотых вещей. Еще О. Монтелиус предпологал, что в начале бронзовой эпохи там находился крупный пункт междуплеменного обмена, сложившийся около соляных источников. Некоторые археологи строили даже гипотезы о существовании там в это время могущественных вождей, организаторов крупных металлургических предприятий (недалеко находятся Рудные горы). Кроме того, самое возникновение одного из вариантов Унетичкой культуры в области, занятой ранее племенами культур шнуровой керамики и воронкообразных сосудов, ставило, естественно, вопрос о взаимоотношениях всех трех культур.

К. Отто, поставив целью детальное, насколько позволяет наличествующий материал, изучение экономики и общественных отношений племен Леубингенской культуры, конечно, не мог избежать этих проблем. Он был вынужден при этом посвятить большое внимание критике многочисленных авторов, писавших о Леубингенской культуре и вообще об археологических культурах Средней Германии.

Как и другие, К. Отто считает племена Леубингенской культуры в этой области пришлыми. Но он не без основания отказывается от гипотезы Г. Чайльда, считающего, что племена Унетичкой культуры были покорены племенами шнуровой керамики². Нельзя согласиться с Г. Чайльдом (ук. соч., стр. 272), что, например, погребение в «княжеском» гельмсдорфском кургане с находками вещей унетичкого и скандинавских типов свидетельствует о «накоплении богатств у военачальников, прочно осевших среди унетичкого и скандинавского земледельческого населения». Но трудно также безусловно принять реконструкцию гельмсдорфского кургана, предлагаемую К. Отто (стр. 67—70), при помощи которой он старается доказать, что «княжеское» погребение в этом кургане сопровождалось погребением двух рабов, принадлежащих к племенам культуры шнуровой керамики. Более убедительно предположение Г. Мильденберга³, что погребения культуры шнуровой керамики древнее «княжеского» погребения, курганная насыпь которого перекрыла древний небольшой курган. Последний предварительно был намеренно уплощен, и на его вершине было совершено «княжеское» погребение. Во всяком случае проблема соотношения культур шнуровой керамики и воронкообразных сосудов, с одной стороны, и Унетичкой культуры, с другой стороны, остается еще не решенной.

Вкратце Леубингенская культура представляется К. Отто в следующем виде.

Племена этой культуры были преимущественно скотоводами, что позволяло выделить свободные рабочие руки для металлургии. С образованием в Центральной Германии металлургического центра Леубингенская культура получила значительное раз-

¹ Профессор Гумбольдтского университета и директор Археологического отделения Музея истории Германии в Берлине (ГДР).

² Г. Ч а й л ь д, У истоков европейской цивилизации, М., 1952, стр. 271—272.

³ G. M i l d e n b e r g e r, Studien zum mitteldeutschen Neolithikum, Lpz, 1953, стр. 30—31.

вите, и производительные силы населения увеличились (стр. 13 сл.). Вместе с тем появились специалисты-металлурги, еще работавшие на родовую общину, но положившие начало тому развитию, в конце которого стоит самостоятельный ремесленник (стр. 29). Возник избыток производства и с ним вместе возможность регулярного обмена. Возможно, что в это время скот становится меновой единицей (стр. 30). Возникают зачатки товарного производства в виде металлических изделий, но еще «в условиях коллективной торговли» (стр. 36). Появляются металлические денежные знаки в виде колец и боевых топоров, что подтверждается составом многочисленных кладов (стр. 44). Гипотезу о зарытии этих кладов в минуту опасности К. Отто отрицает, справедливо полагая, что именно при таких обстоятельствах незачем было бы зарывать оружие (стр. 45). Точно также отрицает он гипотезу о зарытии этих кладов странствующими торговцами, указывая на то, что такие же «клады» встречаются в неолите и состоят из кремневых орудий; кроме того, против такой гипотезы «говорит уже тот археологический факт, что в большом числе подобные клады оказываются зарытыми в глиняных сосудах; нельзя себе представить, чтобы предполагаемые торговцы, помимо весьма тяжелых металлических богатств (до 2 центнеров весом!), возили с собою большие глиняные сосуды» (стр. 47).

Все это привело с неизбежностью к социальной дифференциации, и здесь на первом месте следует поставить вопрос о «княжеских» погребениях. К. Отто возражает против модернизирующих гипотез М. Яна и К. Энгеля, выдающих в «княжеских» погребениях доказательство существования мощных князей, и присоединяется к мнению Г. Чайльда, что мы имеем здесь дело с погребениями родовых вождей, но не соглашается видеть в этих вождях «вождей племен культуры шнуrowой керамики, которые властвовали в качестве аристократического слоя над леубингенцами» (стр. 48)¹.

Образование в Центральной Германии металлургического центра и расширение обмена металлическими изделиями встречало препятствия в родовом строе. «Потребность в металле в областях, не обладавших собственными медными рудами, могла быть покрыта только путем древнего коллективного обмена от рода к роду, от племени к племени и требовала преодоления такой формы торговли. Приобретение металлического оружия приводило к необходимости в областях импорта обменивать продукты коллективного производства, составлявшие общую собственность племени, на индивидуально используемое оружие или орудия труда за границами этого племени. В центрах производства скоплялось богатство у племен и общин, занимавшихся производством металлических изделий». Соответствие между производительными силами и производственными отношениями было нарушено. Это отражено в археологии в виде скопления металла в кладах, чему, вероятно, должно было соответствовать обилие скота (стр. 49).

Однако дальнейшее рассмотрение характера погребений не вполне убеждает в наличии имущественной дифференциации у племен Леубингенской культуры. К. Отто, выделив «княжеские» погребения, делит остальные (только в могильниках) на «особо богатые», «богатые» и «с малым количеством вещей или без вещей». К первым он относит погребения с золотыми вещами, ко вторым — с бронзовыми изделиями, к третьим — исключительно с глиняными сосудами или без вещей. Едва ли это может свидетельствовать об имущественном расхождении общества, тем более, что такое различие наблюдается не на всех могильниках Леубингенской культуры. К. Отто объясняет последнее тем, что «социальная дифференциация не у всех племен и родов была выражена в одинаковой мере». Более всего она обнаруживается в районе металлообработки, например, у заале-унструтской группы (стр. 62).

Не могу я согласиться и с тем заключением К. Отто, что встречающиеся в леубингенских погребениях двойные захоронения мужчины и женщины надо рассматривать как погребение мужа с его насильственно умерщвленной женою (стр. 63 сл.) Даже

¹ У Г. Чайльда сказано: «... вожди саксо-тюрингского народа боевых топоров..., прочно осевшие среди унетического и скандинавского земледельческого населения и получавшие доходы за провоз янтаря, соли и руды через их владения» (ук. соч, стр. 272).

при отцовском праве жена и муж в родовом обществе принадлежат к разным родам и должны хорониться на разных кладбищах. Не лучше ли объяснять такие погребения захоронением мужчины вместе с его наложницей, а скорее всего, погребением брата и сестры, матери и сына и т. д.

Заканчивается первая часть статьи К. Отто заключением о возникновении у племен Леубингенской культуры рабства, о чем я уже говорил ранее.

Вторая часть посвящена проблеме выяснения организации леубингенских родов и племен. К. Отто приходит к заключению, что племена Леубингенской культуры находились на ранней стадии военной демократии. Так как доказать это археологическими фактами непосредственно трудно, то автор прибегает к аналогии, сравнивая Леубингенскую культуру с материальной культурой раскопанного в 1928—1937 гг. поселения шан-иньского времени в пров. Хонань близ Анианга (по статье Т. В. Степугиной, напечатанной в Германии¹).

Однако это — слишком далекая аналогия. Между тем известно, что между археологическими данными о Леубингенской культуре и археологическими данными и содержанием надписей на костях из раскопок в Хонане имеются только некоторые и довольно далекие соответствия. Условия сложения общества в Центральной Европе и в Китае были совершенно различными. Задачей археолога было бы, — если уж привлекать для сравнения китайский образец, — определить прежде всего различия, а не черты отдаленного сходства. Последние можно найти не в меньшем количестве в обычно привлекаемых для сравнения данных о союзе племен ирокезов, гомеровской Греции и т. д. Наибольший интерес в этом разделе работы К. Отто имеет, конечно, трактовка археологических фактов, взятых непосредственно из данных о Леубингенской культуре. Они сами, без всяких параллелей, позволяют согласиться с автором, что Леубингенская культура характеризует начальный этап сложения военной демократии.

Статья заканчивается экскурсом в область хронологии. После разбора схем польских археологов В. Голубовича и В. Гензеля² К. Отто, не давая своей периодизации, замечает, что «военная демократия характеризует конечную фазу древнего общества, а предфеодальный период — начальную фазу классового общества или, точнее, переход к классовому обществу в тех областях, в которых не возникало рабовладельческого общества, как например, в Средней Европе, в частности в Центральной Германии» (стр. 108). «Военная демократия, — пишет он, — еще целиком относится к строю древнего общества».

Устанавливаемые для Леубингенской культуры зачатки примитивного товарного производства еще «соответствуют древнему родовому строю. Они указывают на наличие элементов, которые свойственны производственным отношениям следующего за древним классового общества. Но не ими, равно как не возникающими патриархальными отношениями, отмечается начало распада древнего общества, хотя они и представляют начало этого этапа».

«Наличие новых надстроечных элементов в древнем родовом строе, которые позднее, в новую социально-экономическую эпоху, активно помогут укрепить новый базис и устранить старый, дают возможность, однако, отметить начало распада древнего строя. ... Иными словами, не первое появление принципов патриархата и не зачатки примитивного товарного производства могут служить критерием распада этого строя, а наличие военной демократии, как надстроечного явления, отмечает этот момент» (стр. 110).

Я не имею возможности изложить в этой рецензии приводимые К. Отто факты, так как это заняло бы очень много места. Но уже из сказанного можно заключить, что статья К. Отто представляет значительный интерес как попытка детального разбора состояния и отчасти исторического развития общества, характеризующегося одной

¹ Т. В. Степугина, Zur Frage der sozial-ökonomischen Verhältnisse in China vom 14 bis 12 Jh. v. u. Zr., «Sowjetwissenschaft, Gesellschaftswiss. Abt.», I, B., 1951.

² W. H o l u b o w i c z, Zagadnienie periodyzacji dsiejów społeczeństwa przedklasowego na terenie Polski, Srpawozdania P. M. A., IV, 1—2, Варшава; W. H e n s e l, Proba periodyzacji najdawniejszych dziejów ziem Polskich, там же.

из западноевропейских археологических культур. Несомненно, в этой статье имеется немало спорного, дискуссионного, особенно в некоторых частных выводах. Но иначе и не могло быть, поскольку один археологический материал недостаточен для безусловного заключения по поднятым автором вопросам, особенно принимая во внимание почти полное отсутствие раскопок мест поселений Леубингенской культуры. Поскольку же эта культура имела широкие связи с целым рядом синхронных ей культур, статья К. Отто не может быть оставлена без внимания при изучении последних.

В 1 и 2 номерах помещены две статьи Г. Коте, посвященные проблеме раннего земледелия. Автор резко протестует против широко распространенной гипотезы о «мотыжном» земледелии, как первоначальной форме обработки земли. Помимо такого способа, у отсталых земледельческих племен существуют засвидетельствованные этнографией, по меньшей мере, шесть других способов обработки земли: при помощи палок для посадки рассады (Pflanzstockbau), при помощи палок для рытья ямок (Grabstockbau), при помощи вилообразных палок (Grabgabelbau), при помощи палок для проведения борозд (Furchenstockbau), при помощи скребкообразных орудий (Kratzbau) и, наконец, путем посева по мокрой земле с последующим прогоном по этому месту скота (Triftbau). За исключением последнего способа, все остальные названы (на нем. языке) по основному орудью для обработки земли. В ряде случаев количество мотыг, сравнительно с числом названных орудий, может оказаться и большим, но не они являются функционально основным орудием для обработки земли. Совершается ли обработка земли при помощи плуга¹, палок для проведения борозд и т. д., наличие наряду с ними мотыг не дает основания называть такую обработку земли «мотыжной»; мотыги употребляются при этом для разбивки комьев земли, для засыпки ямок, для прополки и т. д., но не являются основным орудием.

Наличие возникшей только в железном веке мотыжной обработки земли в Африке не может служить доказательством древности этого способа. А те каменные орудия, которые археологи считают мотыгами, могли иметь совсем другое назначение; определение их как орудий для обработки земли совершенно условно. Между тем этнографические наблюдения показывают, что у огромного большинства отсталых земледельческих племен обработка земли производится не мотыгами, а палками специальной формы.

Г. Коте излагает, как в конце XVIII века на основании сообщений путешественников по Африке сложилась гипотеза о первоначальном мотыжном земледелии и о возникновении плуга из усовершенствованной мотыги. Всеобщее убеждение в правильности этой гипотезы было настолько велико, что фактов не замечали. Не замечали того, что античный плуг совершенно непохож на древнеегипетскую мотыгу, что изгиб мотыги повернут прямо в противоположную сторону по сравнению с изгибом плуга. Рассуждали просто: мотыга превратилась в плуг путем простого удлинения ее рукоятки. Многочисленные свидетельства о мотыжной обработке земли в Африке, полученные в конце XIX в., совершенно убедили в том, что такая форма земледелия является первоначальной.

Эта полемика со сторонниками гипотезы о мотыжном земледелии, как первоначальном способе обработки земли, занимает начало первой статьи Г. Коте². Во второй статье он подкрепляет свои выводы этнографическими примерами³. Однако при чтении этих статей невольно возникает сомнение в правильности заключений Г. Коте. Автор сам в ряде мест подчеркивает, что существующее кое-где мотыжное земледелие представляет островки в море других приемов обработки почвы. Но, как известно, именно такие «островки» пережиточных явлений характеризуют наиболее древние сохранившиеся кое-где традиции. Широкая распространенность того или иного приема еще не свидетельствует о его древности.

¹ Здесь и далее я перевожу словом «плуг» немецкое слово «Pflug», хотя часто автор подразумевает, очевидно, под этим термином соху или даже черкушу.

² «Völkerkundliches zur Frage der neolithischer Anbauformen in Europa».

³ «Form und Anwendung der Feldegeräte beim pfluglosen Anbau der Ozeanier».

Характерны также, приведенные, впрочем, автором мимоходом, наблюдения Д'Альбертиса, что мотыги в области Флай-Ривер употреблялись для обработки мягких почв, а также замечания отца и сына Форстеров об обработке мотыгами «болотных» почв в Новой Каледонии. Сам же Г. Коте предполагает, что в Новой Зеландии мотыги применяются только там, где не известна палка для обработки земли, которая применяется на твердых почвах (стр. 78). Здесь заключается наиболее уязвимое место статей Г. Коте. Характер обрабатываемой почвы играет большую роль в отношении применяемого для обработки орудия. Какие почвы обрабатывались в древности? Какого типа орудия наиболее подходили или не годились для этой работы? Этих вопросов Г. Коте не касается. А между тем, если бы эти вопросы были выяснены, могло бы оказаться, что большинство этнографических примеров из массы приводимых автором пришлось бы исключить. Поэтому проблему характера раннего земледелия еще нельзя считать решенной, несмотря на работы Г. Коте и многочисленных его предшественников, на которых он ссылается.

В этом отношении приходится пожалеть, что Г. Коте очень мало использовал археологический материал; в частности ему остаются, по-видимому, неизвестными многочисленные мотыги, найденные в СССР при раскопках неолитических и более поздних поселений, хотя в одном случае он приводит изображение так называемой «палки-копалки» из Шигирского торфяника (стр. 68, рис. 20). Тем не менее статьи Г. Коте заслуживают большего внимания как в отношении возражений, сделанных им противникам его гипотезы, так и по сделанным им замечаниям, заставляющим еще раз пересмотреть проблему «мотыжного земледелия».

Вторая часть статьи Г. Коте в № 1 рассматривает проблему происхождения и древности плуга. Автор приходит к заключению, что прототипом плуга была не мотыга, а палка для проведения борозд и что система обработки земли развивалась последовательно от древнейшей (вероятно, с мезолита) обработки палками с посадкой рассады через обработку палками для проведения борозд до плужной обработки почвы. Здесь также имеется много интересных замечаний, как, например, о палках с педалями, послуживших, по мнению Г. Коте, прототипом лопат (стр. 68), о распространении системы бороздной обработки земли палками из Передней Азии в Европу и наличии ее в культуре боевых топоров на севере и культуре колоколовидных сосудов на западе (стр. 66) и т. д.

Большой интерес представляют приведенные автором многочисленные этнографические примеры и подробнейшие указания на литературу по истории древнейшего земледелия.

Другая статья Г. Коте посвящена вопросу о распространенности и древности волокуш¹. Автор считает, что волокуша с ярмовой упряжкой возникла не позднее ранней бронзовой эпохи (о чем свидетельствуют, по его мнению, лигурийские наскальные рисунки), а, вероятнее всего, существовала уже в халколите и, возможно, была прототипом позднейшей колесной повозки, запрягавшейся быками. Упряжку лошадьми он относит к III тысячелетию до н. э. и считает такую форму прототипом дышловой повозки и саней. Как это утверждение, так и приведенное выше предположение Г. Коте о том, что прототипом плуга является палка для обработки земли бороздами, равно как постоянно встречающиеся попытки ряда этнографов отыскать прототипы сложных орудий труда и видов транспорта, кажутся мне малообоснованными. Сделанный руками человека предмет далеко не всегда должен иметь непосредственный более простой «прототип». В неолитическую эпоху человек имел в своем распоряжении разнообразные деревообделочные орудия и это давало ему возможность не только «совершенствовать» старые формы бытовых вещей, но и создавать новые формы вне зависимости от существовавших ранее.

Среди других статей, помещенных в сборниках, следует отметить статью Чайльда о «диффузии колесных повозок»². В этой небольшой статье со свойственной ему

¹ «Verbreitung und Alter der Stangenschleife».

² V. G. Child, The diffusion of wheeled vehicles.

широтой охвата археологического материала Г. Чайльд доказывает, что повозочное цельнодеревянное колесо было изобретено единожды и в одном месте и состояло первоначально из трех составных частей; древнейшие повозки запрягались парой (или двумя парами) животных. Возможно, что первая повозка представляла собою сани, поставленные на колеса. Из составленной автором хронологической таблицы видно, что древность применявшихся в разных местах колесных повозок уменьшается по мере удаления от Месопотамии. Колеса со спицами (сначала с четырьмя) явились новым изобретением вскоре после 2000 г. до н. э. и применялись при постройке военных колесниц в Анатолии и северной Персии. Около 1300 г. это изобретение докатилось до Средней Европы, Швеции и Китая. В такие колесницы всегда запрягалась пара лошадей.

К статье Чайльда приложена хронологическая таблица времени и места распространения колесных повозок с 3000 до 1250 гг. до н. э. и карта их распространения.

Для советских читателей представляет также интерес статья Р. Вейнхольда и Д. Трейде¹ о расселении племен на Кавказе в VI в. до н. э. — II в. н. э. по данным античных писателей.

Сборники «Этнографические и археологические исследования» представляют значительный интерес для археологов и этнографов. Судя по первым трем выпускам, редакторы намерены помещать в этих сборниках преимущественно статьи по большим теоретическим проблемам археологии и этнографии. А таких проблем достаточно много. Особенно ценно, что такие вопросы получают в сборниках разрешение не только в теоретическом плане, но и на практике, как, например, в статье К. Отто о Леубингенской культуре, как бы дискуссионны ни были некоторые из сделанных им выводов. Остается пожелать продолжения издания таких сборников.

Проф. А. Брюсов

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ИНДИИ

(Обзор журнала «Ancient India» за 1946—1955 гг.)

В прошлом году исполнилось 10 лет со дня выхода в свет первого номера центрального органа индийских археологов «Древняя Индия». Официально являясь продолжением неперiodического журнала «Archaeological Survey of India», новый журнал качественно от него отличается. В отличие от своего предшественника, в котором основное внимание уделялось вопросам архитектуры, иконографии, стиля, журнал «Древняя Индия» является археологическим в современном понимании этого слова, уделяя основное внимание изучению предметов материальной культуры. В то же время печатающиеся в нем работы не носят узко описательного характера, а всегда служат разрешению определенной исторической проблемы. Журнал также печатает важные теоретические статьи по археологии и древней истории Индии и прилегающих стран.

Ряд работ видных индийских археологов посвящен проблеме истории первобытного общества в Индии. Среди статей, касающихся этой темы, заслуживает особого внимания работа В. Д. Кришнасавами «Каменный век Индии», (AI, № 3 (1947), стр. 11—57). Цель автора состояла в установлении хронологической классификации памятников палеолита и неолита различных районов Индии. В статье предлагается следующая классификация памятников.

Для северо-запада Индии: 1. Пресоанская индустрия. 2. Ранний Соан. 3. Орудия типа «мадрасских рубил» (встречаются в северной Индии, типологически сходны с орудиями абевильско-ашельского типа Европы и синхронны раннему Соану; ра-

¹ R. We in h o l d u n d D. T r e i d e, Die Völkerschaften des Kaukasus im Alttertum nach verschiedenen antiken Autoren von 6 Jahrh. v. u. Z. bis zum 2 Jahrh. n. u. Z.